

Двадцать третий год девиза правления Цзяньюань. Префектура Нанькан, уезд Шаюань.

Гулкий перестук копыт постепенно затих. В воздух взметнулось плотное облако дорожной пыли. Крупный чистокровный конь, покрытый слоем рыжеватой грязи, недовольно фыркнул, мотнул головой и замер. Всадники остановились перед массивными городскими воротами.

Цзян Умянь перенёс долгий и изнурительный путь на удивление легко — на его лице не было и следа усталости. Он задумчиво разглядывал стену перед собой. У её подножия осыпающаяся сухая глина являла собой удручающее зрелище. Всё здесь дышало упадком и запустением.

Цзян Умянь поднял взгляд к деревянной табличке над воротами. Два глубоко врезавшихся в дерево иероглифа гласили: «Шаюань».

Он мысленно примерил это название на язык, всматриваясь в унылый пейзаж. О чём он думал в этот миг, не угадал бы никто.

Четверо сопровождавших его советников хмурились. Линь Шоюань, облачённый в серо-белый даосский халат с косым воротом, направил коня чуть вперёд и негромко произнёс:

— Господин, губернатор Бай получил приказ усмирить мятеж ещё в мае прошлого года и должен был прибыть в префектуру Нанькан задолго до нас. Если прикинуть сроки, жизнь здесь уже давно должна была вернуться в мирное русло. Днём стража обязана досматривать подорожные у всех входящих, но ворота Шаюаня наглухо закрыты, да и жителей не видать. Боюсь, стряслось неладное.

Мятеж вспыхнул в префектуре Чаочжоу. Бай Чухань повёл войска на юг, и за пять месяцев зачистил край, взяв под крыло разорённые земли в ожидании новых управителей. Но всякому было ясно: префектуры и уезды, соседствующие с Чаочжоу, сейчас превратились в сухую головную боль. Сумеешь навести порядок — сочтут за должное, оступишься хоть раз — и тебя сошлют в префектуру Цюнчжоу.

Ирония судьбы крылась в том, что Префектура Цюнчжоу лежала совсем близко: семь дней бешеной скачки, переправа через пролив — и ты на месте службы для опальных чиновников.

Цзян Умянь как раз завершил обязательный трёхлетний траур по родителю. Стоило ему подать прошение о возвращении на службу, как он угодил в самый водоворот событий. Министерство чинов подготовило доклад за одну ночь, старший великий секретарь одобрил кандидатуру прямо во дворце, и нынешний император повелел Цзян Умяню незамедлительно отправляться в путь.

И вот, после четырёх месяцев изнурительной дороги, уездный судья со всем своим нехитрым скорбом и четырьмя советниками стоял у запертых ворот уезда Шаюань, созерцая полуразрушенные стены.

Когда до Цзян Умяня дошли вести о ссылке его достопочтенного учителя, он уже морально подготовился к худшему, так что удар принял стойко. А вот его помощникам не повезло — они пострадали ни за что ни про что. Тем не менее, все четверо в один голос твердили, что тяготы их не пугают. Цзян Умянь в своё время спас им жизни, так к чему теперь лишние слова, когда пришло время платить добром за добро?

Немного помолчав, Цзян Умянь ответил:

— Советник Линь прав. Насколько мне известно, правительственные войска наступали двумя путями. Водный флот Сунцзян высадился в префектуре Цинчжоу, которую от Нанькана отделяет лишь префектура Хуэйчжоу. Расстояния между этими землями ничтожны. Оставь губернатор Бай без присмотра хоть один уезд, это тут же поставило бы под удар снабжение и продвижение всей армии. Он не мог допустить такой оплошности.

Бай Чухань водил полки умело и держал солдат в ежовых рукавицах: мародёрство каралось смертью, а офицерам строго-настрого запрещалось обижать простой люд. Значит, у нынешнего запустения в Шаюане была иная причина.

Пока они ехали на юг, уезды сменяли один другой. Где-то вовсю кипела торговля, где-то царил строгий казённый порядок. В соседних округах всё было спокойно, по обочинам тракта не попадалось ни беженцев, ни разбойников. Очевидно, что уцелевшие мятежники здесь больше не имели прежней силы.

Но почему тогда Шаюань заперт изнутри? Куда подевались торговцы и горожане?

Цзян Умянь вновь окинул взглядом осыпающуюся глину крепостной стены. Он задумчиво постукал рукоятью плети по голенищу сапога и вдруг резко обернулся:

— Кто здесь?!

В придорожных зарослях что-то зашуршало. К треску сухих веток добавился шорох торопливых шагов, а следом донеслось прерывистое, тяжёлое дыхание.

«Неужто недобитые мятежники?»

Цзян Умянь подобрался и поудобнее перехватил двуручный меч модао.

— В лесу кто-то есть, — тихо предупредил он спутников. — Опасайтесь засады.

Не дожидаясь лишних слов, Линь Шоюань выхватил широкий палаш и ринулся в чащу. Остальные советники бросились за ним.

Цзян Умянь задержался на мгновение, чтобы увести лошадей с тракта и укрыть поклажу от случайных воров, после чего поспешил на шум завязавшейся схватки.

Пробившись сквозь кустарник, он увидел своих помощников, бьющихся с тремя оборванцами, чьи лица заросли грязью и волосами. Незнакомцы дрались слаженно, но численный перевес был на стороне советников. Линь Шоуюань резко разорвал дистанцию и точным ударом выбил оружие у их предводителя, лишив того прямого меча хэн. Кольцо окружения замкнулось, и троица оказалась повержена.

Цзян Умянь бросил советникам моток верёвки, велел связать пленников. Сам он отошёл чуть в сторону и поднял с земли выбитый клинок.

Узкое, прямое лезвие холодно блестело на солнце. Возле самой гарды виднелись тонкие полосы — следы искуснойковки. Рукоять меча была необычайно длинной; кожаная оплётка загрубела от запекшейся крови и грязи, а тиснение почти стёрлось от долгого использования. Тем не менее, у самого навершия клинка всё ещё можно было разобрать выбитые знаки.

Линь Шоуюань держал палаш у горла предводителя пленников. Двое других советников, обнажив мечи, стерегли оставшихся, пока четвёртый держался поодаль, натянув тетиву арбалета на случай, если кто-то решит бежать.

Цзян Умянь подошёл ближе. Кончиком хлыста он приподнял подбородок поверженного вожака, вглядываясь в измождённое лицо. Спустя мгновение он произнёс без тени сомнения:

— Патрульная стража Шаоюаня.

Советники переглянулись и с удивлением уставились на пойманных оборванцев.

И верно: статью эти люди мало походили на обычных разбойников или оголодавших беженцев. Дрались они по уставу, держали строй и закрывали уязвимые точки — пускай их приёмам и не хватало гибкости, чувствовалась суровая армейская выучка.

Да и прямые мечи хэн у каждого из них служили лучшим доказательством.

В Великой Чжоу простолюдинам запрещалось носить боевые клинки. Обычные люди обходились мечами с кольцевым навершием, кинжалами или простыми длинными мечами. Настоящий же прямой меч хэн требовал высочайшего мастерства кузнецов и ценился на вес золота.

Сейчас три таких меча сиротливо лежали в траве, ловя сталью солнечные блики, пробивавшиеся сквозь густую листву.

Прижатые к земле пленники яростно сверкали глазами. Спокойный, лишённый всяких эмоций

тон Цзян Умяня лишь раззадорил их гнев.

— Всё так! — прохрипел предводитель. — Мы из патруля! Рано празднуете победу, проклятые мятежники! Вот вернётся губернатор Бай, ваши головы полетят с плеч!

Если бы не отбытие губернатора Бая в море, разбойники никогда не посмели бы сунуться в эти края. Мятежники нагрянули внезапно, числом превосходя стражу многократно. Патрульная служба просто не успела среагировать, отчего Шаоюань и пал.

Их разведывательный отряд из пяти человек с боем вырвался из запертого города, потеряв одного боевого товарища. Вчера они отправили вестника по тракту к ближайшему пограничному гарнизону, а сами остались следить за ситуацией в городе.

И надо же было такому случиться: вместо долгожданного подкрепления их обнаружили эти разбойники!

В лесу воцарилась тишина. Советники озадаченно переглянулись и уставились на Цзян Умяня.

Тот перестал крутить в руках плетъ — было очевидно, что уездный судья озадачен не меньше прочих.

Ещё по дороге к месту службы Цзян Умянь гадал, с какими трудностями ему придётся столкнуться. Он ожидал палок в колёса от местных чинуш, презрения со стороны богатых землевладельцев и губительного южного климата, способного свести молодого чиновника в могилу.

Но действительность превзошла любые ожидания. Первой преградой на его пути стала необходимость доказать, что он действительно уездный судья.

— Заткните им рты и ведите в лагерь, — хмуро бросил Цзян Умянь, слегка приподняв веки.

Он был высок и худощав — три года строгого затворничества и траура наложили свой отпечаток. Когда он поднимал взгляд своих темных, почти чёрных глаз, его лицо принимало столь суровое и холодное выражение, что казалось по-настоящему пугающим.

Даже советники, знавшие его не первый год, невольно подтягивались под этим взглядом. Что уж говорить о стражниках — их пыл мгновенно угас, уступив место глухому беспокойству.

Они зашевелили губами, пытаясь выкрикнуть очередное проклятие, но тугие кляпы лишили их голоса. Поняв, что пугать врагов беззвучным шевелением губ бессмысленно, они лишь злобно уставились на пришельцев.

Временный лагерь обустроили неподалеку. Накануне вечером они не успели добраться до города до заката, а потому расчистили небольшой пятачок у опушки леса, развели костёр и устроились на ночлег прямо под открытым небом.

Поскольку пленники вели себя буйно и брызгали злобой, их связали покрепче и усадили возле кострища. Стражники устроились спина к спине, явно вознамерившись хранить гордое молчание.

Цзян Умянь вынул из ларя указ о назначении и подорожную грамоту. Развернув бумаги перед лицами пленников, он заподозрил, что те могут быть неграмотны, а потому велел зачитать текст советнику Чжану.

Среди четырёх его помощников Линь Шоуюань слыл главным стратегом и лишний раз рта не раскрывал. Чжао Чэн слыл искусным мастером и все дни напролёт думал лишь о том, как бы улучшить натяжение арбалетов. Цзян Цю был нелюдим и не любил пустых разговоров. Зато Чжан Жун, улыбчивый и красноречивый, умел найти подход к любому. Ему и поручили это дело.

Когда Чжан Жун закончил читать, стражники лишь растерянно замычали, во все глаза глядя на императорскую печать.

Свернув свиток, Чжан Жун с улыбкой поклонился Цзян Умяню:

— Господин?

Цзян Умянь сидел на поваленном стволе дерева, положив тяжёлый модао на колени. Слегка опустив голову, он задумчиво разглядывал землю, скрывая лицо в тени полей шляпы. Услышав зов, он поднял взгляд на троицу дозорных и едва заметно кивнул, разрешая развязать им рты.

Едва кляп покинул рот предводителя, тот ошарашенно пробормотал:

— Господин?.. Уездный судья?!

Против императорского указа и дорожных грамот возразить было нечего. Перед ними действительно стоял новый глава уезда Шаоюань и его свита.

Прежний судья Шаоюаня сбежал при первых признаках опасности, но в дороге наткнулся на мятежников, и вся его семья погибла. Помощник судьи пал смертью храбрых в день штурма, так что в городе остались лишь регистратор да заведующий тюрьмой и архивом, из последних сил удерживающие порядок.

Новому назначенцу досталось худшее время для вступления в должность. Шаоюань наводнили бунтовщики, и соваться туда сейчас означало добровольно лезть в пасть к тигру.

Цзян Умянь жестом прервал готовые сорваться с губ стражника излияния:

— Избавь меня от лишних слов. Чтобы не терять времени, отвечай коротко и по делу.

— Слушаю, господин.

Опираясь на скупые объяснения дозорных, Цзян Умянь набросал на куске пергамента примерный план города и указал кончиком кисти на значок зернохранилища.

— Значит, дело обстоит так: четыре месяца назад губернатор Бай усмирил бунт в префектуре Нанькан. Два месяца назад в префектуре Цинчжоу его войска вновь разбили мятежников, заставив остатки их сил уйти в море. Губернатор Бай отправился в погоню, чтобы полностью очистить прибрежные воды, и до сих пор не вернулся. Тем временем уцелевшие на суше бунтовщики напали на Шаоюань, использовали горячий воск, чтобы поджечь улицу Мира, отвлечь стражу и прорваться к амбарам?

Цзян Умяню были известны сроки и места сражений армии Бая. Последняя битва действительно отгремела в Цинчжоу два месяца назад. Вполне вероятно, что часть разбитых бунтовщиков под шумок отступила через префектуру Хуэйчжоу прямо в Нанькан. То, что они выждали два месяца, прежде чем напасть на Шаоюань, тоже выглядело логично.

Во-первых, уезд граничил с Хуэйчжоу, откуда легко доходили вести о передвижениях правительственных войск.

Во-вторых, мятежников знатно потрепали, и они попросту трусили, решившись на вылазку лишь тогда, когда полностью уверились: губернатор Бай ушёл далеко в море и не успеет прийти на помощь.

В-третьих, у них, судя по всему, подошли к концу запасы провизии, раз они отважились на такой отчаянный шаг, как грабёж казённых складов.

Немного подумав, Цзян Умянь резко спросил:

— Были ли среди нападавших беглые жители самого Шаоюаня?

Иначе трудно объяснить, как столь укреплённый город пал всего за пару дней. Скорее всего, когда волнения только начинались, часть горожан укрылась в лесных дебрях. Когда же войска отбили Шаоюань, эти беженцы попросту не успели узнать об этом и оставались в горах, где и наткнулись на отступающих мятежников. Те взяли их в заложники и под угрозой расправы заставили обмануть стражу у ворот. Только так бунтовщики могли войти в город без единого выстрела и без потерь.

Все трое стражников мгновенно побледнели. Их предводитель растерял былую спесь и виновато заговорил:

— Господин судья зрит в самый корень. Зачинщиками у ворот действительно выступили те самые беженцы. Не будь этого, охрана ни за что не отперла бы затворы. Лица-то все знакомые, а если среди них и затесался кто чужой, всегда можно сослаться на соседей из ближней деревни. Мол, дороги не знают, отстали от своих, идут куда все... Из-за этой привычной беспечности караульные не почуяли подвоха: пропускали по одному тех, за кого могли поручиться, а незнакомцев разворачивали. Но в предрассветный час на улице Мира вспыхнул страшный пожар. Пока городская стража и простые жители метались с ведрами, пытаясь сбить пламя, другие посты остались без присмотра. Этим и воспользовались заговорщики внутри стен, распахнув ворота для основных сил бунтовщиков. Так город и пал.

Понутив головы, трое дозорных стояли перед новым уездным судьёй. В их позах сквозила такая безысходность, словно они уже приготовились к суровой каре за сдачу уезда.

Однако Цзян Умянь и не думал их винить. Сейчас все его мысли занимало лишь то, как вернуть город под крыло казны.

— Вчера вы отправили вестника за помощью, верно? — рассуждал он вслух. — Даже если подкрепление выдвинется незамедлительно и погонит коней день и ночь, они будут здесь не раньше, чем через трое суток. Ждать слишком долго. Мятежники успеют разграбить склады и скрыться. Мы не можем сидеть сложа руки. Сегодня ночью мы проникнем в Шаоюань, чтобы разведать обстановку и оценить силы врага.

Стражники вытаращили на него глаза.

— Что?! — в один голос выдохнули они.

Идти наперекор превосходящим силам бунтовщиков? Без подкрепления, вдесятером против целой банды?

— Господин судья, пощадите! — взмолился предводитель. — Одумайтесь! Это же верная смерть!

<http://bllate.org/book/19045/1897282>